

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ: СТОЯ НА ПЛЕЧАХ ГИГАНТОВ

Софья Владимировна Тихонова

доктор философских наук,
профессор Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия
e-mail: segedasv@yandex.ru

Научная коммуникация: этнос науки и воображаемые сообщества в анклавах российской гуманитаристики

УДК: 168.5:001.38

DOI: 10.24411/2079-0910-2020-14009

Научный этос формируется коммуникативными практиками, обеспечивающими приращение знания. Ключевые виды коммуникации в науке — формальная (статьи, монографии) и неформальная (обсуждения, личные контакты, живое общение) — могут иметь различную конфигурацию, горизонтальную или вертикальную. Прирост знания осуществляется в условиях свободной горизонтальной коммуникации. Долгое время специализированной коммуникационной системой, обеспечивающей вход в пространство горизонтальной коммуникации, была транспоколенческая иерархическая структура научной школы. Репутационный капитал ее лидера предполагал преимущества при вхождении в пространство горизонтальной коммуникации. Во второй половине XX в. естественные науки сформировали универсальное пространство горизонтальной формальной коммуникации («мировую науку»). В его условиях научные школы становятся анахронизмом. Модель «мировой науки», эталонная для реформирования российской науки, мало пригодна для отечественной гуманитаристики в силу национальных особенностей ее языка и предмета, а также примата монографий над периодикой. В итоге функция репутационного инструмента продолжает выполнять научная школа, обеспечивающая механизмы селекции и включения исследователей в локальную экспертную сеть. Автор приходит к выводу, что школы в российской гуманитарной науке, несмотря на все их минусы, продолжают оставаться функциональными, а горизонтальная равноранговая

коммуникация «невидимых колледжей», как формальная, так и неформальная, локализована на уровне лидеров школ. Перспективы интеграции анклавов гуманитарных миров в единую гуманитарную цифровую технонауку автор связывает с развитием «зон обмена» и трансформацией электронных научных сетей, создаваемых преимущественно в наукометрических целях.

Ключевые слова: науковедение, история науки, этос науки, научная коммуникация, гуманитарная наука, мировая наука, научная школа, воображаемое сообщество.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-011-00265А «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире».

Посвящается кофе, одному из самых надежных стимуляторов научной коммуникации

Реформирование отечественной науки (реорганизация РАН, реструктуризация вузов и сокращение их числа, эффективные контракты для профессорско-преподавательского состава вызывает бурные дискуссии. Одной из наиболее дискуссионных проблем в этом контексте является применение наукометрических показателей для оценки результативности исследователей, исследований, журналов и организаций. Эти показатели, отражающие (с разной степенью точности) соотношение публикационной активности автора и его реального вклада в науку, сформулированы на основе обобщения коммуникационных процессов в естественных науках, определяющих механизмы приращения знания, распределения репутации и воспроизводства научного сообщества. Однако эти процессы слабо затрагивают гуманитарную науку в силу особенностей ее коммуникационной системы. В предлагаемой статье я попытаюсь установить взаимовлияние научной коммуникации и трансляции этоса научного знания в условиях противостояния горизонтальных и вертикальных коммуникационных структур, вырабатываемых естествознанием и гуманитаристикой. Здесь и далее, говоря о гуманитарной науке, я подразумеваю гуманитарные науки, ориентированные на производство теоретического знания о жизни общества, — философию, историю, социологию, политологию, психологию; выбор термина определяет радикальная оппозиция естественнонаучного и гуманитарного миров, известная спекулятивность разделения гуманитарных и социальных наук в контексте единства социальности человека (вполне оправданная при погружении в специфику методологии конкретных научных дисциплин) и советская традиция объединения различных исследовательских областей под брендом «обществознание».

Дискуссии об эффективности наукометрии имеют не только очевидные прикладные результаты с позиций научного менеджмента. Их эпистемическое значение заключается в прояснении коммуникативных процессов, формирующих этос науки. Анализ архитектуры циркуляции научных сообщений, включающей систему фильтров, барьеров и предпочтений, способен пролить свет на практики поддержания этоса науки, формирования образа Другого, консолидированного в во-

ображаемых сообществах, от лица которых говорит каждый конкретный эксперт и критик. Эксперт как «голос науки» функционально обнажает представления о ее Природе. Наука как способ познания всегда одновременно выступает конфигурацией модусов коммуникации (коллективной, коллаборативной или конкурентной), в которой этика играет роль движущей силы, совмещающей мотивацию, цель и результат. Ученые предлагают миру знание в обмен на признание, научный этос конституирует фигуру Другого, выполняющего функцию признающего субъекта, необходимого для того, чтобы позволять знаниям появляться, циркулировать, интерпретироваться, расширяться или сужаться внутри научных сообществ (пространственно и темпорально).

Коммуникационная система «мировой науки»: горизонтальные сети экспертов, «невидимые колледжи» и «воображаемая публика»

Modus vivendi науки сконцентрирован в научном этосе — совокупности императивов, из которых складывается «научная совесть». Коммуникативные практики в науке, взятые в единстве всего их живого и динамичного многообразия, оттачивают усвоение, интериоризацию этоса науки, который Р. Мертон не случайно определял как «эмоционально насыщенный (курсив мой. — Прим. С.Т.) комплекс ценностей и норм, признанных обязательными для представителей науки» [Мертон, 1973, с. 268–269]. В науке принципиальное значение имеют два вида коммуникации: формальная (печатная, включающая различные публикации — статьи и книги) и неформальная (живое общение, личные контакты, обсуждения, кулуары). Оба вида коммуникации являются источником мотивации и данных (теоретических и эмпирических) для исследователя. Но их «вклад» в конечный результат не равновелик: «...около 80% <...> информационного потока поступает к нему (исследователю. — Прим. С.Т.) от других исследователей на стадии, которая предшествует формальной коммуникации, по неформальным каналам — беседам за бокалом вина, конференциям, семинарам, препринтам и другим компонентам “невидимого колледжа”» [Прайс, 1967]. «Невидимым колледжем» называют неинституционализированную группу исследователей, совместно разрабатывающую общую проблематику. В рамках «невидимого колледжа» научная коммуникация осуществляется горизонтально, на равных (имеет равноранговый характер); предмет коммуникации формируется вокруг опубликованных результатов, но постепенно обсуждение обрастает сетью живой коммуникации, затрагивая рассмотрение промежуточных результатов и формулирование новых проблем. Как формальная, так и неформальная коммуникация необходимы для отбора и признания результатов, получаемых в ходе исследования. Для формальной коммуникации характерно доминирование вертикальных структур, для неформальной — преимущество горизонтальных. Одновременно обе они являются средой циркуляции научного этоса, неотделимого от научных практик.

Возможны различные способы организации обоих видов научной коммуникации. С 60-х гг. XX в. нормативный характер получает модель «мировой науки», созданная во второй половине XX в. в естествознании. По мнению Дж.Д. де С. Прайса, для нее характерна трансформация научных журналов в ведущий канал обсуждения качества результатов исследований и, соответственно, репутационный инструмент [Прайс, 1976]. Это изменение связано со спецификой самого естествоз-

нения — универсальностью его предмета и языка, жесткой структурированностью фронта исследований с резко очерченным передним краем, а также с «четкостью, однозначностью и определенностью» получаемого им знания: «в естественнонаучных дисциплинах любой полученный результат можно игнорировать или признавать лишь в какой-то степени, но коль скоро он предложен и хотя бы частично признан, с этого момента он трактуется как данность и быстро надстраивается другими результатами. Научные статьи при этом перерастают рамки национальной или личной собственности, становятся частью интернационального исследовательского фронта, входят в свое время в научный архив и постепенно встраиваются в тот массив знания, который выражен в книгах» [Прайс, 1976, с. 98]. Соответственно, чем больше знаний добывает все большее количество исследователей, тем быстрее это знание прирастает. Скорость прироста требует оперативных форм формальной коммуникации, поэтому ключевой статус получает статья в периодическом издании.

Чем важнее содержащийся в ней результат, тем большему числу исследователей он понадобится для решения собственных исследовательских задач. Поэтому цитирование позволяет судить о значимости работы и успешности цитируемого автора [Гарфилд, 1982].

Важное революционное изменение, осуществленное в естественнонаучной периодике в ответ на рост числа сообщений и читателей, — переход к двойному слепому рецензированию [Фицпатрик, 2012; Хуутониemi, 2012] при горизонтальной организации корпуса экспертов. Такая процедура предполагает, что рецензент не знает, кто является автором статьи, а автор не знает, кто является рецензентом. Этот метод рецензирования требует существования широкой сети рецензентов, сети как минимум национального уровня, включающей всех значимых экспертов по направлению независимо от места их работы и внутриорганизационного статуса. Впрочем, в естествознании эта сеть быстро стала международной, подкрепив широкую сеть формальных обсуждений сетью неформальных коммуникаций.

В целом широкие сети качественных обсуждений научных результатов, фиксируемых в наукометрических показателях, стали основой для распределения финансирования через фонды и усилили академическую мобильность, сделав избыточными усилия научных школ по воспитанию новых кадров. Традиционная роль научного руководителя, ведущего и наставляющего сначала студента, затем аспиранта в квалификационных исследованиях, после положительной оценки которых ученик получает доступ к самостоятельной научной деятельности, стала лишней в ситуации, когда молодой ученый включается в практику научных проектов, члены которой аффилированы в разные организации и имеют разный корпоративный статус. Роль Другого для него — в первую очередь рецензенты престижных журналов и эксперты грантовых фондов, от них же зависит финансирование его непосредственной научной деятельности. Квалификационные степени перестают быть основной дверью в науку. Молодой исследователь при достаточном уровне способностей и продуктивности сразу включается в реальное, а не воображаемое «большое сообщество». Новой формой кооперации ученых становятся так называемые мобильные коллективы, требующие академической мобильности на уровне «текучести» кадров, интенсивной неформальной коммуникации и отказа от вертикальных поколенческих иерархий. Им незачем выращивать новые кадры для собственных нужд, поскольку рекрутинг начинается со студенческой скамьи среди включенных

в практику научных исследований молодых ученых. «Невидимые колледжи» как реальные сообщества единомышленников, знакомых друг с другом главным образом через тексты научных статей, дополняются ориентацией на «воображаемую аудиторию» [Солбу, 2018], коллективные представления исследователей о «науке в целом» и широкой общественности, иррационально сопротивляющейся развитию тех или иных научных исследований в силу дефицита понимания либо, наоборот, активно поддерживающей их. Реальные и воображаемые коллективные субъекты (коллеги и «миряне») концентрируют в себе искомые формы признания, мотивирующие исследования или блокирующие их.

Рассмотренные инновации и стали фундаментом «мировой науки», продуктивность которой определяется эффективностью коммуникационной системы, позволяющей оперативно распространять новые данные, объективно оценивать их научную значимость, адекватно распределять ресурсы и репутацию. Освоение этоса науки начинается с прямого включения в горизонтальные потоки мировой научной коммуникации.

Что мешает российской гуманитарной науке стать мировой?

Призрак «мировой науки» знаком и российским гуманитариям. Правда, для них он имеет силу абстрактного идеала и выступает исключительно воображаемым сообществом, практически вынесенным за рамки живой коммуникации в силу редкости непосредственных контактов и конструирующимся системой воспроизводства научных кадров как причастность к воображаемому «Мы» на основе ментального сходства. Сходство, функциональное, идеологическое или результативное, радикализируется; различия, связанные с нормативностью коммуникативных практик, доступных в усеченном формате дистантной коммуникации, остаются за рамками воображения. При этом воображаемое Мы играет роль фигуры Другого. Отсутствие массового рутинного общения лицом к лицу с иностранными коллегами уподобляет мировую науку в сознании гуманитария андерсоновской нации, члены которой «никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [Андерсон, 2001, с. 47]. Несмотря на всю привлекательность модели мировой науки, созданной естествознанием, универсальность распространения ее коммуникационной структуры остается проблематичной в силу ряда причин. К ним относятся специфика языка, предмета и текста гуманитарной науки.

Теоретическое гуманитарное знание слабо привязано к языку математики. Разнообразные математические методы, используемые в полевых социологических, политологических, антропологических и т. д. исследованиях, не отменяют этого правила, поскольку интерпретация полученных с их помощью данных неизбежно осуществляется посредством вербальной терминологии. Гуманитаристика использует естественный язык, не дающий математической точности и однозначности. Разнообразие понятий и определений нормально для гуманитарной науки, преодолевающей их за счет трудоемких и текстозатратных процедур установления и уточнения вкладываемых в термины смыслов. Естественный язык гуманитарной науки

предполагает многообразие локальных понятийных объяснительных схем, признание которых скорее определяется традицией, чем их эффективностью.

Предмет гуманитарной науки также чаще всего имеет национальную локализацию — язык, правовая, экономическая, политическая система, история, культура и т. д. Локализация предполагает актуальность исследования для национального общества, что жестко лимитирует потенциальное число исследователей. Конечно, в различных странах есть исследователи «чужих» языков, культур или политических практик. Но их численность не идет ни в какое сравнение с субъектным пространством «всемирного естествознания». Подавляющее большинство предметов гуманитарного знания принципиально не может стать основой широких международных исследовательских сетей с достаточной плотностью, тогда как в естествознании такие предметы составляют меньшинство.

Текст гуманитарной науки организовывался как книжный, монографический: гуманитарные исследования больше ориентированы на книгу, чем на журнальную статью как способ выражения мысли [Шиповалова, 2014, с. 124]. Большой текстовый объем гуманитарных исследований, плохо адаптирующийся к жанровой стилистике периодики, определяется характером приращения знания в гуманитарных дисциплинах. Существенную часть гуманитарных работ занимают историография проблемы, анализ традиции определения основных категорий, задающие вектор понимания тех смыслов, которые автор вкладывает в используемую им терминологию и описание применяемых методологических процедур. Поэтому книжный формат формальной коммуникации свойственен, как отмечает Н.В. Мотрошилова, сложившимся гуманитарным культурам — в России, Германии, Франции, других европейских странах [Козлов, Мотрошилова, 2011]. Сравнительный анализ, например анализ практик книжного рецензирования в социологии и химии, показывает глубинные различия в бытовании книжного жанра: «социология намного более “книжная” наука, чем химия. В социологии очень часто публикуются исследования, материалы конференций и квалификационные тексты в формате книги, тогда как химия, по-видимому, главным образом ограничивается учебниками и обзорами текущего состояния исследований» [Димбав, Бошен, 2017, с. 47]. Критика книг нередко трактуется как инструмент, «оружие» в академических «войнах» за статус и признание [Мартинс, 2010]: чем больше книг, тем больше конфликтов в рецензиях, которые обеспечивают книгам минимальную аудиторию, гарантированного читателя, выполняющего функцию «голоса науки». В «журнальной науке» (случай химии) и книжной науке (случай социологии) складываются принципиально разные эпистемические формы артикулированной критики, реализующей мертоновский организованный скептицизм, и эти две формы не могут быть сведены к общему знаменателю. Практика книжной критики отсекается моделями журнальной коммуникации, не включающими ее простого воспроизводства в силу разных стандартов экспертизы текста, и требует постоянного поиска новых подходов. Трудности обеспечения в научном гуманитарном журнале регулярных книжных обзоров по СТС, информативных, критичных и интересных, проанализированы редакторами журнала “Science & Technology Studies” [Винтерейк, Верран, 2018]. Показательно, что важнейшими среди отмеченных авторами проблем являются снижение числа выходящих в свет книг (гуманитарных!), а также неготовность рецензентов писать именно аналитические обзоры, а не рефераты книг или отзывы, основанные на субъективной оценке.

Действительно, монографии в силу высоких затрат в последние годы сдают свои позиции научным гуманитарным журналам. Однако сами эти журналы, даже в случае признанного международного статуса, чаще всего не являются «мировыми» с точки зрения работы их экспертной сети, как журналы в естественных науках. Как показывает проведенный А.В. Полетаевым анализ международных журналов по историческим наукам, включенных в БД *WoS*, подавляющее большинство из них «являются не международными, а национальными как по тематике, так и по кругу печатающихся в них авторов, т. е. заявляется история, а печатается американистика в истории» [Савельева, Полетаев, 2011, с. 646].

Научная школа как дверь в горизонтальную сеть

Горизонтальное пространство коммуникации в гуманитарной науке дискретно, разрывы между реальными сообществами заполняются моделями «воображаемых сообществ». В силу своей гетерогенности оно нуждается в существовании специализированных структур «вхождения» в науку. Такой базовой для отечественного гуманитарного мира структурой является коммуникационная система научной школы. Научная школа — это транспоколенческая система неформальной научной коммуникации на определенной идейно-методологической основе (т. е. в рамках научного направления). Лидер («учитель») школы выступает носителем императивов научного этоса. Соответственно, его поведение является для учеников эталонным. В этом смысле научная школа всегда «глокальна»: она совмещает горизонт «настоящей большой» науки с локальными практиками научной деятельности, впечатывает контекст горизонтального «невидимого колледжа» в наличную ситуацию характеров, судеб и обстоятельств.

Итогом прохождения горнил «школьной» неформальной коммуникации является допуск в систему горизонтальной научной коммуникации. Он осуществляется благодаря полученным в школе навыкам научной коммуникации, а также рекомендации или «благословению» (чаще скорее носящему характер понуждения к активности, нежели вербального напутствия). Лидер школы, являясь членом «невидимого колледжа», развивает в рамках последнего свою сеть контактов неформальной коммуникации. Его продуктивность усиливает позиции учеников: сотрудничество с лидером школы (наставником) является ключевым фактором ускорения производительности ученика, его дальнейшего карьерного и академического возвышения, при этом производительность наставника увеличивает более поздние публикации и цитируемость ученика [Лонг, МакГиннис, 1985]. Сходный процесс зависимости стартовых позиций молодых ученых от статуса их *alma mater* описан Р. Мертоном как элемент «эффекта Матфея»: «Поскольку элитарные институты располагают сравнительно большими возможностями для развития научных исследований в некоторых областях, талантливый ученый, которому удастся попасть в такой институт в молодом возрасте, получает больше возможностей для накопления дифференцируемых преимуществ» [Мертон, 1993, с. 266].

В институциональной структуре школы нет механизмов, гарантирующих корреляцию продвижения учеников в систему горизонтальной коммуникации и качества получаемых ими результатов. Лидер школы имеет возможность по своему усмотрению тормозить профессиональный рост своих учеников при одновременном из-

быточном культивировании собственного подхода к проблематике, что приводит к консервативности, стереотипности, узости и изоляционизму внутришкольных практик. В максимально негативном варианте научная школа деградирует в клановую окостеневшую структуру, занятую имитацией науки. Школа как «дверь» в научную коммуникацию избыточна там, где у молодого исследователя есть доступ в реальные научные сообщества; там же, где каналы связывают его с воображаемыми сообществами, она работает, но пропускает далеко не каждого, кто этого достоин.

Школьный контролер: Другой в советской науке

Поскольку наука стремится к объективной истине, одним из важнейших императивов научного этоса является организованный скептицизм, обеспечивающий критическую перепроверку научного знания, его своевременную отбраковку и обновление. Поэтому фигура Другого крайне важна для науки, а его поиск и/или организация является для нее жизненно важной задачей. Глокальность школы удваивает Другого, относя к нему внутришкольную критику и критику «невидимого колледжа».

Вообще говоря, абстрактность, скрытая двойственность Другого и ее неотрефлексированность сослужила дурную службу гуманитариям. Гуманитарная наука в нашей стране развивалась в условиях более жестких цензурных ограничений и партийного контроля как структура вертикальной коммуникации, ориентированная на внутренний социальный заказ. В детальном анализе Н.А. Ащеулова и С.А. Душина показывают внутренний, закрытый характер советской науки, ее нацеленность на небольшие группы ведущих ученых [Ащеулова, Душина, 2014].

Отмечу, что ключевую роль для развития коммуникационной системы гуманитарных наук сыграла «коренная перестройка системы учебных заведений, подготавливающих кадры пролетарских специалистов», произошедшая в начале 1930-х гг. в результате внедрения реализации форсированного построения советской науки путем ее глобального преобразования на основе единой идеологии [Парсамов, 2015, с. 36], когда единое образовательное пространство высшей школы было раздроблено с точки зрения противопоставления базовых (все, что было связано с развитием материально-технической базы, — точные, естественные, инженерные науки) и надстроечных наук (отвечавших за идеологию). К надстроечным наукам относились «программно-методические руководства, обеспечивающие четкую марксистско-ленинскую линию в деле подготовки новых кадров специалистов» [Парсамов, 2015, с. 37–38], курируемые в те годы Наркомпросом. В целом проект реформ поддерживал идею манифестации противопоставления «буржуазной» и «социалистической» наук и обеспечивал государственную монополию государства в сфере заказа научных разработок, проявлявшуюся в том числе и в контроле не только над социальным, но и над внутринаучным статусом ученого. Поскольку гуманитарные науки стали частью идеологической надстройки, защиты диссертаций в них, жестко контролируемые Высшей аттестационной комиссией СССР (создана в 1932 г.), стали редкостью (в Российской империи, наоборот, на фоне массы гуманитарных защит редко случались защиты естественнонаучные), а ключевым фактором присуждения искомой степени стало общественно-политическое лицо соискателя. Только в послесталинское время гуманитарные советы, весьма немногочисленные, «могли

себе позволить руководствоваться главным образом научными соображениями при рассмотрении диссертаций по гуманитарным наукам. Но таких советов не было и не могло быть много, а количество защищаемых в них работ в общем потоке советских диссертаций было ничтожным» [Парсамов, 2015, с. 48]. «Идеологическая» бдительность советов стабильно доминировала над научной. Закрытость научных практик в условиях партийного ценза способствовала созданию неформальных вертикальных иерархий школьного характера. Мемориальные жанры научных школ, сложившиеся в научных журналах (юбилейные статьи и некрологи), мемуары и интервью позволяют проследить жизнь школы, но на их основании невозможно дифференцировать практики карьерного соподвижения и соучастия в научном творчестве в жизни школ прошлого.

Ядром советской гуманитаристики стали столичные центры (над которыми имела последняя инстанция — партийное руководство) в Москве и Ленинграде и близкие к ним по статусу центры Новосибирска. Центры играли роль метрополии для провинциальной науки. Как отмечает Л.Е. Бляхер, в столицах формировался крупный материнский центр, на периферии, в провинциальных вузах, возникали «выселки» этого центра, основанные его выпускниками, отправлявшими в центр своих учеников для получения степеней [Бляхер, 2015]. Материнский центр был плацдармом настоящей большой науки, в которую стремились попасть провинциалы. Эта наука обладала «полным циклом производства»: у столичных центров были журналы, диссертационные советы, аспирантура, докторантура. Географическая привязка этих центров к Москве, Ленинграду и Новосибирску может быть реконструирована на основе нормативного анализа советской системы присуждения ученых степеней, осуществленного в серии диссертационных исследований нулевых годов нынешнего столетия в юридических, исторических, педагогических науках (например: [Воропаев, 2000; Казначеев, 2004 и др.]).

Центр выступал для нижестоящих элементов в роли воображаемого Другого. Для самого центра в роли Другого выступали субъекты государственно-партийного строительства и, вероятно, критикуемый буржуазный Запад. Во всяком случае, выдвинуть такое предположение можно на том основании, что уже в перестроечный период усилиями центра сразу намечается тенденция «примирения» идеологизированного дискурса обществознания и категориального ряда западной социальной теории. Впрочем, на всех этажах системы гуманитарной науки притягательным Другим были и продолжают оставаться благодарные потомки и арбитраж Истории.

Анклавы гуманитарного мира в постсоветский период

Постсоветский период трансформирует систему «центр — провинция». Аспирантура, докторантура, повышение квалификации в центре, работа в центральных библиотеках и архивах становятся недоступной роскошью для провинциалов. Региональные научные школы вынуждены обзаводиться собственными аспирантурами, докторантурами, советами и журналами, поскольку следование формальным критериям аккредитации требует от них самостоятельно воспроизводить научные кадры. Вузы окончательно становятся кадрово замкнутыми, однако провинциальная наука по-прежнему далека от лидерских позиций.

На вакансию Другого начинает претендовать западная наука об обществе, усилившая свое влияние на отечественную гуманитаристику благодаря не только падению железного занавеса, но и приходу западных грантовых фондов на постсоветскую территорию. У этой «другой науки» были другая тематика, методология, дизайн исследований, научный дискурс, даже корпус классиков был принципиально другим — и все это варьировалось от фонда к фонду. И хотя первыми ее начали осваивать столичные научные центры, особых преимуществ им сразу это не дало. Независимо от своей аффилиации, россияне оказывались в одинаковом положении провинциалов по отношению к западным центрам. Результаты этой ориентации стабильны — до настоящего времени в западные индексы цитирования попадают в основном статьи, в которых реализуется подкрепляемое авторским эмпирическим исследованием развитие популярных теорий среднего уровня или субстантивных теорий [Соколов, 2009; Полемаев, 2011, с. 592]. Российских теоретиков там мало. Тем не менее пространство ориентированного на Запад обществознания росло по всей стране, хотя и не смогло стать доминирующим.

Альтернативу западному тренду составили провинциальные отечественные школы, выбравшие стратегию герметизации советских исследовательских традиций и, нередко, традиций идеологической бдительности при помощи альянса с местными властными структурами. Конкуренция прозападных и постидеологических трендов представляет собой самостоятельный сюжет и требует отдельного разбора. В любом случае, доля провинциальных школ, начавшая расти после распада СССР, не смогла сравниться с центральными. Об этом свидетельствует, например, пространственная локализация диссертационных советов. Рассмотрю их на примере философии. В.И. Красиков приводит следующие данные: в РФ к осени 2015 г. существовал 71 диссертационный совет по всем философским наукам, географическое распределение которых было асимметрично: в одной Москве советов было почти столько же, сколько в европейской части России (24 совета в Москве, 8 — в Санкт-Петербурге, 25 — в 18 российских городах европейской части страны; 14 советов — в 12 городах Урала и Сибири, самый слабый сегмент сети) [Красиков, 2016, с. 355–356]. За четыре года ситуация принципиально не изменилась. В соответствии с «Перечнем ВАК действующих советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по состоянию на 20.03.2019 г.» в 2019 г. в стране действует 53 диссертационных совета по философским наукам; кроме того, 2 философских совета (МГУ 09.01 и МГУ 09.02) представлено в МГУ им. М.В. Ломоносова, имеющем право присуждать свои собственные степени; в СПбГУ, обладающем аналогичным правом, состав диссертационных советов СПбГУ для защиты каждой конкретной диссертации определяется индивидуально, итого 55 постоянно действующих советов. В Москве 19 советов, в Санкт-Петербурге — 4.

Конкуренция между столичными и провинциальными лагерями, переходящая в почти полный разрыв, превратили гуманитарную науку в лоскутное одеяло. Значение научных школ девальвируется: «поколение ученых, чье профессиональное становление пришлось на последние два десятилетия, вообще не склонно придавать серьезного значения научным школам» [Душина, Ащеулова, 2011, с. 74]. При этом глубокая фрагментация приводит к тому, что вместо широкой сети национальных экспертов гуманитарная наука формирует узкую сеть лидеров замкнутых анклавов.

Выводы

Реальное воспроизводство научного этоса в коммуникативных практиках отечественной гуманитарной науки как предмет исследования требует учета многообразных коммуникативных контекстов, включая практики наукометрии, различные виды коммуникаций в науке (формальная и неформальная, вертикальная и горизонтальная), особенности гуманитарной научной коллаборации, и положение дел в методологии отечественной гуманитаристики. Исходя из такого многофакторного контекста, приходится констатировать, что на данный момент в отечественной гуманитаристике горизонтальная равноранговая коммуникация «невидимых колледжей», как формальная, так и неформальная, локализована.

Возможно, в среднесрочной перспективе переход к тотальному цифровому обществу повысит доступность, открытость и операциональность горизонтальных научных сетей для молодого исследователя, вследствие чего гуманитарное знание приблизится к эталонам естествознания. Может быть, введение в 2022 г. в качестве обязательного ЕГЭ по иностранному языку приведет к массовому распространению компетенций межкультурной коммуникации среди нового поколения россиян, что ослабит значение национального языка для бытия гуманитаристики. Дары будущего всегда скрываются за завесой неопределенности. А пока мы пребываем в настоящем, стоит трезво оценить наличные возможности. Это не значит, что нужно избегать коммуникационных инноваций, способных сгладить процессы окостеневания научных школ, — развития отечественного индекса цитирования, реформы научной периодики, роста экспертных сетей. Это значит, что придется продолжать занятия, составляющие ядро гуманитарной культуры. А именно, читать, создавать и обсуждать тексты.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Ащеулова Н.А., Душина С.А. Государственная научная политика России в периоды социальной трансформации (мобильность кадров) // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 1. С. 50–66.

Бляхер Л.Е. Очерки провинциальной науки (взгляд из провинции) // Интернет-журнал «Гэфтер». 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/14908> (дата обращения 10.12.2019).

Воропаев И.Г. Порядок присуждения ученых степеней в России и СССР (1802–1995 г.). Дис.... канд. юрид. наук. Невинномысск, 2000. 296 с.

Гарфилд Ю. Можно ли выявлять и оценивать научные достижения и научную продуктивность? // Вестник АН СССР. 1982. № 7. С. 42–50.

Душина С.А., Ащеулова Н.А. Новые формы организации науки: роль мобильности // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 2. С. 69–81.

Казначеев А.А. Государственная политика в сфере присуждения ученых степеней в России (1802–1994). Дис.... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004. 298 с.

Красиков В.И. Сеть диссертационных советов по философским наукам и специфика процедур хабилитации // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 354–362.

Козлов В.В., Мотрошилова Н.В. Индекс цитирования — инструмент, а не цель! (Интервью для портала РАН). 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=e0587895-686c-42af-9e4e-334071d0be06#content> (дата обращения 10.12.2019).

Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке, II. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. № 3. С. 256–276.

Парсамов В.С. ВАК и высшее образование: современные споры и их истоки // Россия-XXI. 2015. № 1. С. 28–49.

Полетаев А.В. К вопросу о российском вкладе в мировую экономическую науку // Неклассическое наследие. Андрей Полетаев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 572–609.

Прайс Д.Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации: прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке / Под ред. Э. М. Мирского, В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 93–109.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Зарубежные публикации российских гуманитариев: социометрический анализ // Неклассическое наследие. Андрей Полетаев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 643–665.

Соколов М.М. Российская социология на международном рынке идей (наукометрический анализ) // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 144–152.

Шиповалова Л.В. Индекс цитирования и объективность экспертов (попытка философствования на злобу дня) // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 119–125.

Dimbath O., Bösch S. Forms of Articulating Epistemic Critique: The Necessity and Virtue of Internal Skepticism in Academia // Science & Technology Studies. 2017. Vol. 30. № 1. P. 40–50.

Fitzpatrick K. Revising Peer Review // Contexts. 2012. Vol. 11. № 4. P. 80.

Huutoniemi K. Communicating and Compromising on Disciplinary Expertise in the Peer Review of Research Proposals // Social Studies of Science. 2012. Vol. 6. № 42. P. 897–921.

Long J.S., McGinnis R. The Effects of the Mentor on the Academic Career // Scientometrics. 1985. March. Vol. 7. Iss. 3–6. P. 255–280.

Martins H. Book Reviews in Social Science: Proposals for Reform with Special Reference to Sociology // Critical Policy Studies. 2010. Vol. 4. № 2. P. 202–210.

Merton R. The Sociology of Science. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 636 p.

Price D.J. de S. Technological Documentation — Philosophy and Forecast // Engineering Societies and their Literature Programs, Proceedings of a Critical Appraisal Sponsored by Engineers Joint Council, New York, 1967. P. 67–70.

Solbu G. The Physiology of Imagined Publics: From a Deficit to an Ambivalence Model // Science & Technology Studies. 2018. Vol. 31. № 2. P. 39–54.

Winthereik B.R., Verran H. Reviewing S&TS book reviews // Science & Technology Studies. 2018. Vol. 31. № 3. P. 77–78.

Science Communication: the Ethos of Science and Imagined Communities in the Enclaves of the Russian Humanities

SOPHIA V. TIKHONOVA

Saratov National Research State University,
Saratov, Russia
e-mail: segedasv@yandex.ru

The article deals with the transformation of humanities communication structures in Russia. The author considers that the ethos of science is of communicative nature and the scientific communication forms its image. Formal and informal science communication can have the horizontal and vertical configuration. New knowledge grows in conditions of free horizontal communication. For a long time, the transgenerational hierarchical structure of the scientific school was a universal specialized communication system. One of its most important tasks was to provide access to the space of horizontal communication. Reputational capital of the scientific school leader was an advantage for students who are incoming in the space of horizontal communication. Natural sciences constructed “World science” in the second half of XX century. The World science depends on a horizontal space of formal communication formed by the double-blind peer review. Vertical scientific schools have no place in World science. The horizontal model of the World science is not suitable for Russian humanities, because humanitarian language and subject are national, and the books are more important, than the articles. These reasons limit the increase in the number of researchers and wider networks of experts. As a result, the function of the scientific school remains a reputational tool and, at the same time, a mechanism for selection and entry of researchers into the local expert network. The author concludes that schools in the Russian Humanities, despite of all their disadvantages, continue to be functional. Horizontal peer-to-peer communication of invisible colleges, both formal and informal, occurs at the level of school leaders. The author relates the prospects of integrating of the enclaves of humanitarian worlds into a holistic digital techno-science with the development of “zones of exchange” and transformation of e-science networks created mainly in the scientometric purposes.

Keywords: science studies, history of science, ethos of science, science communication, humanities, world science, scientific school, imagined community.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research grant No. 19-011-00265 “The Social Construction of Historical Memory in the Digital World”.

References

- Anderson, B. (2016). *Voobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities reflections on the origin and spread of nationalism]. Moskva: Kuchkovo pole (in Russian).
- Ashcheulova, N.A., Dushina, S.A. (2014). Gosudarstvennaya nauchnaya politika Rossii v periody sotsial'noy transformatsii (mobi'nost' kadrov) [State scientific policy of Russia in periods of social transformation (mobility of personnel)]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, 5 (1), 50–66.
- Bljazer, L.E. (2015). Ocherki provintsial'noy nauki (vzglyad iz provintsii) [The provincial science essays (from a province)]. *Internet-zhurnal*. URL: <http://gefter.ru/archive/14908> (date accessed: 12.12.2019) (in Russian).
- Dimbath, O., Böschen, S. (2017). Forms of Articulating Epistemic Critique: The Necessity and Virtue of Internal Skepticism in Academia. *Science & Technology Studies*, 30 (1), 40–50.
- Dushina, S.A., Ashcheulova, N.A. (2011). Novyye formy organizatsii nauki: rol' mobil'nosti [New forms of science organization: the role of mobility]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, 2 (2), 69–81.
- Fitzpatrick, K. (2012) Revising Peer Review. *Contexts*, 11 (4), 80.
- Garfield, Eu. (1982). Mozhno li vyyavlyat' i otsenivat' nauchnyye dostizheniya i nauchnyy produktivnost'? [Is it possible to identify and assess the scientific achievements and scientific productivity?]. *Vestnik AN SSSR*, no. 7, 42–50 (in Russian).

Huutoniemi, K. (2012). Communicating and Compromising on Disciplinary Expertise in the Peer Review of Research Proposals. *Social Studies of Science*, 42 (6), 897–921.

Kaznacheev, A.A. (2004). *Gosudarstvennaya politika v sfere prisuzhdeniya uchenykh stepeney v Rossii (1802–1994)* [State policy in the field of awarding academic degrees in Russia (1802–1994)]. Dis. ... PhD of history. Pyatigorsk (in Russian).

Kozlov, V.V., Motroshilova, N.V. *Indeks tsitirovaniya — instrument, a ne tsel'!* (Interv'yū dlya portala RAN) [Citation index — a tool, not a goal! (Interview with Russian Science Academy portal)]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=e0587895-686c-42af-9e4e-334071d0be06#content> (date accessed 12.12.2019) (in Russian).

Krasikov, V.I. (2016). Set' dissertatsionnykh sovetov po filosofskim naukam i spetsifika protsedur khabilitatsii [The network of dissertation councils for the philosophical sciences and the specific procedures of habilitation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 34 (2), 354–362 (in Russian).

Long, J.S., McGinnis, R. (1985). The Effects of the Mentor on the Academic Career. *Scientometrics*, 7 (3–6), 255–280.

Martins, H. (2010). Book Reviews in Social Science: Proposals for Reform with Special Reference to Sociology. *Critical Policy Studies*, 4 (2), 202–210.

Merton, R.K. (1973). *The Sociology of Science*. Chicago: University of Chicago Press.

Merton, R.K. (1993). Effekt Matfeya v nauke, II. Nakopleniye preimushchestv i simbolizm intellektual'noy sobstvennosti [The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property]. *THESIS*, no. 3, 256–276 (in Russian).

Parsamov, V.S. (2015). VAK i vyssheye obrazovaniye: sovremennyye spory i ikh istoki [VAK and higher education: modern disputes and their origins]. *Rossiya XXI*, no. 1, 28–49 (in Russian).

Poletayev, A.V. (2011). K voprosu o rossiyskom vklade v mirovuyu ekonomicheskuyu nauku [To the question of Russian contributions to world economic science]. *Neklassicheskoye Naslediye. Andrey Poletaev*. Moskva: Higher school of Economics pbl., 572–609 (in Russian).

Price D.J. de S. (1967). Technological Documentation — Philosophy and Forecast. *Engineering SO-cieties and their Literature Programs, Proceedings of a Critical Appraisal Sponsored by Engineers Joint Council*, New York, 67–70.

Price D.J. de S. (1976). Tendentsii v razvitii nauchnoy kommunikatsii: proshloye, nastoyashchee, budushchee [Trends in the development of scientific communication: past, present, future]. In J.M. Mirsky, V.N. Sadovsky (Eds.), *Kommunikatsiya v sovremennoy nauke* (pp. 93–109). Moskva: Progress (in Russian).

Savelieva, I.M., Poletayev, A.V. (2011). Zarubezhnyye publikatsii rossiyskikh gumanitariyev: sotsiometricheskii analiz [Foreign publications of Russian humanitarians: sociometric analysis]. In *Neklassicheskoye naslediyе. Andrey Poletaev* (pp. 643–665). Moskva: Higher school of Economics pbl. (in Russian).

Shipovalova, L.V. (2014). Indeks tsitirovaniya i ob'ektivnost' ekspertov (popytka filosofstvovaniya na zlobu dnya) [Index citation and objectivity of experts (an attempt to philosophize on the topic of the day)]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, no. 2, 119–125 (in Russian).

Sokolov, M.M. (2009). Rossiyskaya sotsiologiya na mezhdunarodnom rynke idey (naukometricheskii analiz) [Russian sociology in the international market of ideas (scientific analysis)]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 1, 144–152 (in Russian).

Solbu, G. (2018). The Physiology of Imagined Publics: From a Deficit to an Ambivalence Model. *Science & Technology Studies*, 31 (2), 39–54.

Voropayev, I.G. (2000). *Poryadok prisuzhdeniya uchenykh stepeney v Rossii i SSSR (1802–1995)* [The order of awarding scientific degrees in Russia and USSR (1802–1995)] Dis. ... PhD of law. Nevinnomyssk (in Russian).

Winthereik, B.R., Verran H. (2018). Reviewing S&TS Book Reviews. *Science & Technology Studies*, 31 (3), 77–78.